

**ЮЛИЯ АБАКУМОВСКАЯ,**  
солистка театра,  
Народная артистка России



Вешалка N. - 2004. - нояб. - с. 3

Девочка пела... Нет, не в церковном хоре. Но пела она с младенчества, а в пять лет даже дебютировала как профессиональная певица – с поклонами, аплодисментами и – пусть скромным – гонораром, врученным от чистого сердца благодарными слушателями. Те незабываемые случайные концерты происходили в парикмахерской на Авиамоторной улице, где маленькая Юля жила с мамой и папой. Юлин папа был заместителем директора крупного научно-исследовательского института, занимавшегося проблемами нефти и газа, мама занималась воспитанием двух дочерей. Семья не голодала. Но, принимая маленькие денежные вознаграждения за исполнение русских романсов от посетителей и obsługi парикмахерской, юная певица, мечтающая купить маме на заработанные копейки новые туфли, впервые восторженно познала суть профессии, которая вскоре станет смыслом её жизни: дарить пением радость и получать за это благодарность – в разных формах её проявления. Правда, успехов пятилетней Юли родители не оценили, и пенне в парикмахерской пришлось оставить. Папа хотел, чтобы дочка пошла по его стопам: закончила нефтяной институт, получила фундаментальное техническое образование, заняла серьёзное место в науке и жизни. Но мама... как часто именно мамы угадывают тайные желания и призвания своих детей! – мама, которая сама имела дивный голос, мечтала увидеть дочку певицей. И вот однажды папа отвел Юлю в ансамбль Локтева, где она и провела, пропела, просолировала несколько ученических лет. Ансамбль ездил по городам и весям, и везде – в Киеве, Ярославле, Минске – слышали звонкий Юлин голосок, который зажигательно выпевал «У дороги чибис». Она любила весёлые песни и не любила уныния.

После школы Юля Абакумовская, конечно, не пошла в нефтяной институт, а поступила в ГИТИС (Государственный институт театрального искусства, ныне Российская театральная академия) на отделение музыкальной комедии. Она попала в класс профессора Павла Михайловича Понтягина, где предмет «мастерство актёра» вёл замечательный артист Лев Наумович Свердлин. Эти люди остались её главными и любимыми педагогами на всю жизнь. Творческая жизнь на курсе кипела, была ключом. Педагоги не давали возмож-

ности валять дурака. Каждый вторник проходили академические вечера, на которые приходили все курсы, и где в присутствии педагогов студенты показывали свои программы. Эти выступления были отчетом за прошлое и авансом на будущее. Замечательное время – студенчество: поёт душа, круглый год весна. Любимыми ролями Юли Абакумовской в те годы были Розина в «Севильском цирюльнике» (в которой она находила черты собственного характера) и Перикола.

Следующий этап её жизни связан с Московским театром оперы и балета им. К.С.Станиславского и Вл.И.Немировича-Данченко. За годы работы в нем Юлия Абакумовская спела более сорока партий. Первая роль – Перикола. Затем – Ласточка в опере Д. Кабалевского «Кола Брюньон», где она играла женщину от ее юных лет до самой старости. Была и Ольга Ларина в опере П.И. Чайковского «Евгений Онегин».

Самым счастливым временем своей жизни Юлия называет годы работы с Евгением Колобовым – и в театре им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, и позднее, в Новой Опере. Её первой партией, спетой под его руководством, стала Розина. «Севильский цирюльник» – один из двух раритетов, сохранившихся со времён Станиславского, – вспоминает артист оркестра Новой Оперы, лауреат премии Фонда Евгения Колобова Геннадий Шохман. – Ощущение было... свежесть, неожиданность и необыкновенная живость темпоритма. Плюс поразившая нас способность выявлять характерные черты персонажей и ситуаций исключительно музыкальными средствами). «Брызги шампанского» – так называет этот спектакль Юлия Дмитриевна.

Вслед за Розиной появилась роль Хозяйки в новой постановке «Бориса Годунова». И снова невероятный успех колобовской версии постановки и запоминающаяся, колоритная Хозяйка Абакумовской. Когда труппа, ушедшая вслед за Маэстро, получила название Новая Опера, то первым её спектаклем, всколыхнувшим московскую публику, стал «Руслан и Людмила». В нем Колобов вырвал свою веру в новую Россию, её силу и мощь. Абакумовская спела тогда Гориславу – да как! До сих пор слышавшие её в этой роли утверждают: лучшего исполнения не было и нет! Пройдет время, и она исполнит в этом же спектакле партию Нанны. Диапазон у Юлии Абакумовской богатый – от сопрано до меццо-сопрано.

За те тринадцать лет, что она проработала в Новой Опере, было много разной вокальной музыки, которую она исполнила на сцене Новой Оперы и других сценических площадках. Главным же было то, что работала она над этой музыкой, ведомая большим художником, музыкантом, дирижером.

Я спросила Юлию Дмитриевну, было ли ей страшно в 1991 году покидать театр, в котором она провела двадцать(!) лет своей жизни. Не задумываясь, Абакумовская ответила: «Нет. Я настолько верила Евгению Владимировичу, настолько мне было интересно с ним, что страха не было никакого. Мама моя волновалась, да. Даже пыталась меня отговаривать. А я была просто уверена, что с таким дирижером не может быть – «в никуда». Я знала, что и театр будет, и всё будет хорошо. Не каждому музыканту выпадает в жизни счастье – встретить такого дирижера, как Колобов. Мне повезло. Спасибо Господу Богу».